

Наринэ Абгарян

МАНЮНЯ

Номинация на премию «Большая книга»

Премия «Рукопись года»

Иллюстрации Елены Жуковской

Наринэ Абгарян

ИДНЮНЯ

Москва
АСТ

*Манюня знакомит меня с Ба,
или Как трудно у Розы Иосифовны
пройти фейсконтроль*

По ходу повествования у вас может сложиться впечатление, что Ба была вздорной, упертой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так. Ба была очень любящим, добрым, отзывчивым и преданным человеком. Если Ба не выводить из себя — она вообще казалась ангелом во плоти. Другое дело, что вывернуться Ба могла по любому, даже самому незначительному, поводу. И в этот нелегкий для мироздания час операция «Буря в пустыне» могла показаться детским лепетом по сравнению с тем, что умела устроить Ба! Легче было наместе в совок и выкинуть за амбар последствия смерча, чем пережить шторм Бабырозино разрушительного гнева.

Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы.

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня — по классу скрипки, я — фортепиано. Какое-то время

мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в иную, если позволите такое выражение,— остервенелую плоскость. Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случалось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр — он был совсем не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой — знакомиться с моей семьей.

Маня замялась.

— Понимаешь,— потупилась она виновато,— у меня Ба.

— Кто? — переспросила я.

— Ну Ба, баба Роза.

— И что? — мне было непонятно, к чему Маня клонит.— У меня тоже бабушки — Тата и Настя.

— Так у тебя бабушки, а у меня Ба,— Маня посмотрела на меня с укоризной.— У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

— Да какая же я тебе незнакомая? — развела я руками.— Мы уже целую вечность дружим, аж,— я посчитала в уме,— восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

— Давай так,— предложила она,— я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

— Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

— Понимаешь,— Маня смотрела на меня виновато,— Ба не разрешает мне названивать незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе названивать!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протянула мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи:

«Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Эсли можеш, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала маленький домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорщилась лучиками жёлтая лампочка Ильича; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой, упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучерявого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял пучеглазый месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синний корандаш потеряла, поэтому небо зеленое, но это ничево. Конец».

Я прослезилась.

Собирала меня мама в гости как на Судный день. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть скудной мышечной массы. Потом она туго заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться. Вот приблизительно так я себя и чувствовала, но моя неземная красота требовала жертв, поэтому я стоически выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье — нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

— Поставишь пятно — выпорю, — ласково предупредила мама, — твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбомом и коробкой конфет для Ба. Пакет был невероятно красивый — ярко-голубой, с одиноким

красавцем ковбоем и надписью «MARLBORO». Таких пакетов у мамы было несколько, и она берегла их как зеницу ока для самых торжественных случаев. Кто застал дефицит советской поры, тот помнит, сколько сил и невероятной смекалки нужно было затратить, чтобы достать такие полиэтиленовые пакеты.

— Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себя прилично и не скачи по дому как ненормальная,— мама продолжала выкрикивать инструкции по поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда.— Платье береги!!! — голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину.

— Хорошооооо!

Маня в нетерпении переминалась с ноги на ногу возле калитки своего дома. Издали заприметив меня, она побежала навстречу.

— Какая ты сегодня красивая,— выдохнула она.

— Для твоей бабушки старалась,— пробубнила я. Весь мой боевой запал мигом куда-то улетучился, у меня двоилось в глазах, не разгибались колени и предательски потели руки.

Маня заметила мое состояние.

— Да ты не волнуйся, у меня мировая Ба,— она погладила меня по плечу,— ты только во всем соглашайся с ней и не ковыряйся в носу.

— Хорошо,— каркнула я — в довершение ко всему у меня пропал голос.

Маня жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими лоджиями. «Зачем им столько лоджий?» — лихорадочно соображала я, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Мое внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся в непосредственной близости от дома. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

— Мы здесь с папой по вечерам играем в шашки,— пояснила Манюня,— а Ба сидит рядом и подсказывает то мне, то ему. Ор стоит! — Манька закатила глаза. Мне стало еще страшнее.

Она толкнула входную дверь и шепнула:

— Ба, наверное, уже вынимает песочное печенье из духовки.

Я повела носом — пахло чем-то нестерпимо вкусным. Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким. Мы шли по длинному узкому коридору, который упирался в холл. Слева была деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Напротив стоял большой комод из черного дерева, увенчанный двумя латунными семисвечниками, на полу лежал ковер с тонким восточным рисунком, вся стена над комодом была увешана фотографиями в рамках. Я подошла поближе, чтобы разглядеть лица на фотографиях, но Маня дернула меня за руку — потом. Она указала на дверь справа, которую я не сразу заметила.

— Нам туда!

И тут силы окончательно покинули меня. Я поняла, что не в состоянии ступить и шага.

— Не пойду,— горячо зашептала я,— возьми пакет, тут конфеты для твоей бабушки и наш семейный альбом с фотографиями.

— Ты чего? — Маня вцепилась мне в руку. — Совсем с ума сошла? Пойдем, у нас еще мороженое есть!

— Нет, — я отступила к входной двери, схватилась за ручку, — я не ем мороженое. И печенье не ем, и вообще мне уже пора домой! Меня мама заждалась!

— Нарка, ты соображаешь, что творишь? — Манька повисла на мне и попыталась отодрать от дверной ручки. — Куда ты пойдешь, что я Ба скажу?

— Не знаю, что хочешь, то и говори, — перевес сил был явно в мою пользу, еще минута — и я бы вырвалась из дома.

— Что это вы тут затеяли? — внезапно прогремевший сзади трубный глас пригвоздил нас к полу.

— Ба, она совсем с ума сошла, хочет домой уйти, — Маня все-таки оторвала меня от дверной ручки и толкнула в коридор, — стесняется тебя, вот ненормальная!

— А ну-ка, марш обе на кухню! — скомандовал трубный глас.

Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз. Боковым зрением воровато выхватила большую ступню в теплом домашнем тапке да кусочек платья в мелкий цветочек.

Кухня мне сразу понравилась. Она была очень просторной, с многочисленными шкафчиками, низким абжуром и простенькими ситцевыми шторами на окнах.

— Сейчас будем знакомиться, — голос прогремел прямо за моей спиной.

Мне стало страшно, как в приемной у врача.

Но выхода не было, пришлось оборачиваться. Ба пристально смотрела на меня поверх своих

больших очков. У нее оказались светлые карие глаза и седые вьющиеся волосы, которые она стянула в пучок на затылке. Она была достаточно грузной, но, как потом оказалось, совершенно легкой на подъем и несла свое большое тело с невероятным достоинством. Еще у нее была родинка на щеке — кругленькая и смешная. Я вздохнула с облегчением. Это была обычная бабушка, а не огнедышащее чудище!

Маня подошла к Ба и обняла ее за талию. Прижалась щекой к ее животу.

— Скажи, Нарка — ПРЕЛЕСТЬ? — спросила.

— Вы все прелестные, только когда спите, — отрезала Ба и обратилась ко мне: — Ну что, девочка, будешь со мной здороваться или как?

— Здравссьти, — пискнула я.

— Здравствуй, коль не шутишь, — Ба фыркнула, а потом коротко рассмеялась.

Я чуть не лишилась чувств — Ба смеялась так, словно где-то у нее в животе терзают несчастное животное.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Ба, ну я же тебе говорила, — встряла Маня.

— Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, — одернула ее Ба. Манюня надулась, но промолчала.

— Наринэ, — пискнула я, а потом, мобилизовав остатки сил, добавила: — Очень приятно с вами познакомиться!

Видимо, несчастное животное внутри практически домучивали, потому что хохот, который издала Ба, больше напоминал агонизирующий хрип.

— Долго репетировала речь? — спросила она меня сквозь свой апокалипсический смех.

— Долго! — призналась я виновато.

— А что это у тебя в руках?

— Пакет, это подарок вам!

— Ты мне в подарок пакет принесла? — прищурилась Ба.— Это до чего же дефицит людей довел, что в подарок уже пакеты несут!

— Там еще конфеты и наш семейный альбом.— Я сделала нерешительный шаг и протянула пакет.

— Спасибо,— Ба заглянула в пакет,— ооооо, трюфели, это же мои любимые конфеты!

У меня словно камень с души свалился. Я счастливо вздохнула и выпятила грудь.

— Ты чего такая худющая? — она подозрительно окинула меня взглядом с ног до головы и сделала пальцем круговое движение,— ну-ка повертись!

Я повертелась.

— Мама мне по две пары колготок надевает, потому что ноги у меня такие тонкие! Она боит-

ся — люди скажут, что меня дома голодом морят,— пожаловалась я.

Ба расхохоталась, да так, что стало ясно — палач, сидевший в ее животе, взялся за новую жертву. Отсмеявшись, она снова принялась меня изучать. Мне очень хотелось произвести на нее хорошее впечатление. Я вспомнила, как мама учила нас держать спину правильно — задрала плечи к ушам, отвела их сильно назад и опустила — теперь моя осанка была идеальной.

Видимо, Ба оценила мои старания. Она еще с минуту глядела на меня, потом хмыкнула:

— Грудь моряка, попа индюка!

Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза.

Тем временем Ба достала из шкафчика большой розовый фартук и протянула его мне.

— Это мой фартук, надень его, ничего страшного, что он тебе велик. Заляпаешь свое красивое платье — мама потом по головке не погладит, верно?

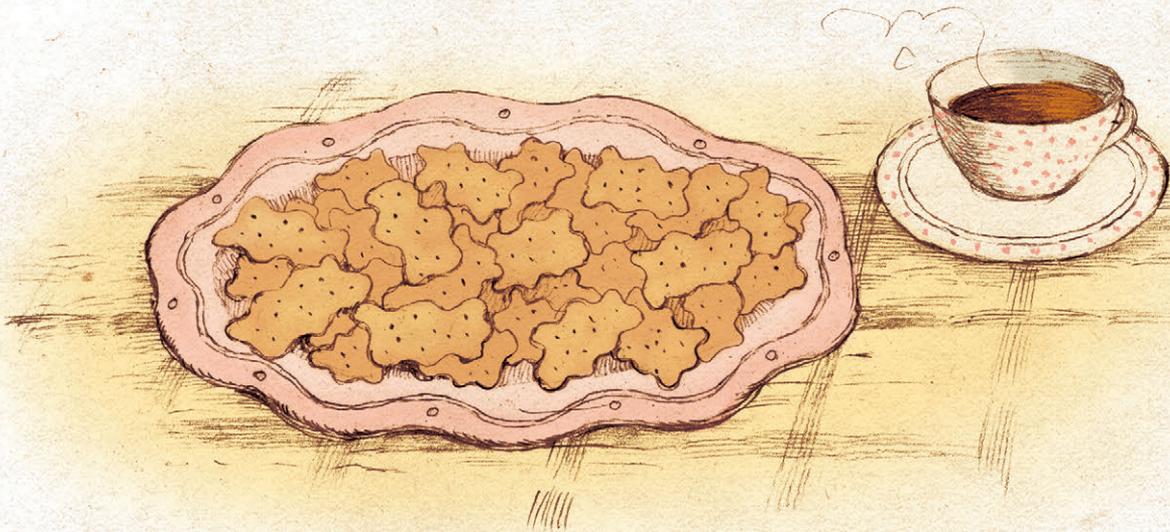
Я виновато кивнула и напялила фартук. Манюня помогла мне завязать его сзади. Я прошла по кухне — фартук болтался на мне, словно флаг на мачте корабля при сильном ветре.

— Сойдет,— благосклонно кивнула Ба.

Потом она усадила нас за стол, и я впервые в жизни попробовала ее выпечку.

Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья. Оно было хрупкое и тоненькое, почти прозрачное. Берешь аккуратно двумя пальцами невесомый песочный лепесток и испуганно задерживаешь дыхание — иначе ненароком выдо-

хнешь, и он разлетится в пыль. Нужно было отломить кусочек и подержать его во рту — печенье моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло. И только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямиком в душу.

Ба сидела напротив, листала альбом и спрашивала меня: а кто это, а это кто?

Потом, узнав, что мамина родня живет в Кировабаде, всплеснула руками: «Так она моя землячка, я ведь родом из Баку!»

Потребовала наш домашний телефон, позвонить маме.

— Как ее по отчеству? — спросила.

Я от волнения забыла значение слова «отчество». Глаза заметались по лицу, я густо покраснела.

— Не знаю,— пискнула.

— Ты не знаешь, как твоего деда зовут? — глянула поверх очков на меня Ба.

— Аааааааа! — я моментально вспомнила, что означает злополучное слово.— Андреевна она, Надежда Андреевна.

— Чудо в перьях! — хмыкнула Ба и стала важно крутить диск телефона.

Сначала они с мамой общались на русском. Потом Ба, покосившись на нас, перешла на французский. Мы с Маней вытянули шеи и выпучили глаза, но ни одного слова не поняли. По ходу разговора у Ба постепенно расцветало лицо, сначала она улыбалась, потом разразилась своим катастрофическим смехом — мама, наверное, на том конце провода выронила от неожиданности трубку.

— Ну, до свиданья, Надя,— закончила Ба разговор,— в гости придем, конечно, и вы приходите к нам, я испеку свой фирменный яблочный пирог.

Она положила трубку и посмотрела на меня долгим, чуть рассеянным взглядом.

— А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ,— сказала.

Мне до сих пор удивительно, как я в тот момент умудрилась не лопнуть от распиравшей меня гордости!!!

Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое. Потом мы пили кофе с молоком и чувствовали себя взрослыми, потом Ба пригладила рукой выбившуюся у меня прядь волос. «Горе луковое»,— сказала, и ладонь у нее была большая и теплая, а Маня поцеловала меня в щечку, и губы у нее были липкие, а кончик носа совсем холодный.

Манюня, или Тумбаны бабы Розы

— У меня, кажется, завелись вошки,— задумчиво протянула Манюня. Мы сидели у нее в комнате, и я, перегнувшись через подлокотник кресла, доставала с полки шашки.

— Откуда ты это взяла? — на всякий случай я отодвинулась от Мани на безопасное расстояние.

— Я чувствую ШЕВЕЛЕНИЕ у себя в волосах,— Манюня многозначительно подняла вверх указательный палец,— какое-то ТАИНСТВЕННОЕ ШЕВЕЛЕНИЕ, понимаешь?

У меня тоже сразу таинственно зашевелилось в волосах. Я потянулась к голове и тут же отдернула руку.

— Что же нам делать? — Манюня была обескуражена.— Если кто узнает об этом, то мы опозоримся на весь город!

— А давай наберем полную ванну воды, нырнем туда с головой, и будем сидеть на дне тихо, пока вошки не задохнутся! — предложила я.

— Сколько понадобится времени, чтобы они задохнулись? — спросила Маня.

— Ну, не знаю, где-то час, наверное.

У Маньки заблестели глаза, видно было, что идея ей пришла по душе.

— Давай,— согласилась она,— только, чур, ни слова Ба, а то она запретит нам залезать в ванну.

— Клянусь всем, что у меня есть,— я не знала в годы моей глубокой молодости клятвы страшнее!

— Да? — засомневалась Маня.— А что с тобой будет, если ты не сдержишь своего слова? Тебя за это посадят в тюрьму и отберут все, что у тебя есть?

Я растерялась. Интересно, какая участь ожидает людей, нарушивших клятву? Воображение рисовало усеянные червями склизкие стены тюрьмы и мучительную, но заслуженную смерть в пытках. Мы какое-то время озадаченно помолчали. Манька убрала шашки обратно на полку.

— Не будем клясться,— решительно сказала она,— давай так: кто проболтается бабушке, тот говнюк!

— Давай,— с облегчением согласилась я. Перспектива быть говнюком пугала куда меньше, чем мучительная смерть в тюрьме.

Мы тихонечко выползли из комнаты подруги. Маня жила в доме весьма своеобразной планировки, чтобы попасть в ванную, нужно было спуститься на первый

этаж и через большой холл, мимо кухни и гостиной, пройти по длинному коридору со скрипучим деревянным полом к совмещенному санузелу.

Манина бабушка Роза стряпала на кухне. Мы бесшумно, по стеночке, крались мимо. Пахло мясом, овощами и жареными грецкими орехами.

— Во шуршит! — прошептала мне Маня.

— Чего шуршит? — не поняла я.

— Ну, папа ей сегодня сказал: мам, ты там пошурши на кухне, вечером к нам Павел зайдет. Вишь, как шуршит,— над Маниным лбом кривеньким ирокезом развевалась непокорная челка,— она обещала еще пахлаву к вечеру нашуршать, чувствуешь, как орехами пахнет?

Я принялась. Пахло так вкусно, что рот у меня мигом наполнился слюной. В животе громко заурчало, но я усилием воли придушила предательский звук в зародыше.

Мы тихонечко пробрались по коридору к ванной комнате и тщательно заперли дверь на засов. «Как Ниф-Ниф и Нуф-Нуф»,— захихикала Манька. Первое, что в ванной бросалось в глаза,— это внушительного размера, на широкой резинке, панталоны, именуемые в народе тумбанами. Они висели напротив газовой колонки и на вид были совершенно устрашающие.

— Бабушкины? — спросила я.

— Ну не мои же,— фыркнула Манюня.

Для того чтобы наполнить ванну теплой водой, нужно было включить газовую колонку. Правда, здесь была одна загвоздка — прикоснуться к спичкам нам строго-настрого запрещено. Мы понимали всю преступность нашего замысла, поэтому старались действовать как можно быстрее и бесшумнее.

— Давай я чиркну спичкой и поднесу ее к газовому рожку, а ты открутишь вентиль,— предложила я.

— Давай,— согласилась Манька и тут же открутила вентиль.

— Я же сказала: подожди, пока я поднесу зажженную спичку,— упрекнула я ее.

— Ты чиркай быстрее, вместо того чтобы ушами хлопать,— рассердилась Манюня и вырвала из моих рук спичечный коробок.— Давай я сама, а то ничего не умеешь делать по-человечески.

Она переломала штук пять спичек, пока наконец ей не удалось зажечь очередную и поднести ее к колонке. В тот же миг раздался небольшой, но достаточно сильный взрыв, из колонки вырвался длинный сноп огня, обшарил стену напротив, погулял какое-то время по потолку и, не найдя ничего более достойного внимания, вцепился в тумбаны бабы Розы. Видимо, панталоны успели хорошо просохнуть или были из стопроцентной синтетики, потому что задымились вмиг.

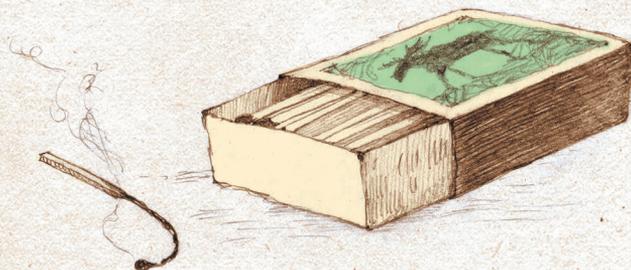
— Аааааа,— заорали мы и стали колотиться в дверь ванной.

— Баааа,— кричала Манюня,— это не мы, оно само взорвалось!

— Бабаааа Розааааа,— орала я,— ваши тумбаныыыыы горяяяяяят!!!

Ба уже стояла по ту сторону двери.

— Ты откроешь мне дверь, Мария, или позвонить папе? — выкрикнула она с плохо скрываемым беспокойством в голосе.

Волшебное словосочетание «позвонить папе» возымело на нас моментальное отрезвляющее действие, мы сразу вспомнили, как отпирается дверь. Ба ворвалась в ванную ураганом. Было достаточно дымно, но она моментально сориентировалась — закрутила вентиль, смахнула полуистлевшие тумбаны в раковину и пустила воду.

Мы попытались скрыться под шумок.

— Кудааааааааа?! — крикнула Ба и схватила нас за шиворот.— Набедокурили и давай улепетывать? Кому было го-

ворено не прикасаться к спичкам? Кому? — она переводила взгляд с меня на Маню и обратно. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Мы с Манькой взвизгнули и попробовали вырваться, но куда там! Ба держала нас так, словно наши шивороты прибили гвоздями к её рукам.

— Ба,— стала канючить Манюня,— мы хотели вывести вошек!

— Вошек?! — Баба Роза собрала наши шивороты в одну руку и пошарила другой за спиной.— Я сейчас покажу вам, как надо вошек выводить! — Она огрела нас чем-то вонючим и мокрым.— Вы сейчас у меня попляшете со своими вошками!

Я сообразила, что это останки Бабырозиных тумбанов. Они отяжелели от воды и достаточно больно били по нашим спинам, поэтому мы сутулились и повизгивали. Ба вытолкала нас в коридор.

— Стойте здесь и не двигайтесь, двинетесь — будет хуже,— прошипела она и принялась наводить порядок в ванной.— Только что все вымыла,— причитала она,— и вот, на тебе, отвернулась на миг, а они уже устроили разгром! Вы люди или кто,— выкрикнула она, повернувшись к нам,— я таки спрашиваю вас — вы люди или кто???

Седые волосы Ба выбились из пучка и торчали в разные стороны, надо лбом развевался непокорный, как у Маньки, ирокез. Она глядела на нас потемневшими глазами и гневно ходила лицом.

— Таки я вас еще раз спрашиваю, вы люди или кто?! — не дождавшись ответа, выкрикнула она еще раз.

Мы жалобно взвизгнули.

— Баааа, ну чего ты спрашиваешь, ты что, не видишь, что мы девочки? — проскулила Манюня.

— Де-воч-ки,— передразнила баба Роза,— а ну-ка, марш сюда, надо умыться!

Она поволокла нас к раковине, пустила ледяную воду и плеснула ею нам в лицо.

— Аааааа,— взмолилась Манюня,— ты хоть теплую воду включииии!

— Я вам дам теплую воду! — Баба Роза усердно намылила по очереди наши лица вонючим хозяйственным мылом.— Я вам дам со спичками играть! — Она смыла пену тонной ледяной воды, от которой душа тоненько тренькнула и ушла в пятки.— Я вам дам не слушаться взрослых! — Она остервенело протерла наши лица вусмерть накрахмаленным вафельным полотенцем. Я глянула в зеркало — оттуда на нас смотрели две взъерошенные краснощекие девчонки с мученическим выражением на лицах.

Ба переполняло справедливое негодование.

— Откуда?! Откуда вы взяли, что у вас вошки? — принялась она выпытывать у нас.

— У нас таинственное шевеление в волосах,— хором выдали мы наш страшный секрет,— мы решили набрать полную ванну теплой воды и нырнуть в нее с головой на час, чтобы вошки задохнулись!

Ба изменилась в лице.

— Какой кошмар,— запричитала она,— то есть вошки бы утопи, а вы — нет?!!

Мы с Манюней ошеломленно переглянулись. Что и мы под водой можем задохнуться, нам в голову не пришло.

Баба Роза поволокла нас на кухню.

— Сейчас вы у меня покушаете тушеных овощей,— безапелляционно заявила она,— и не надо кривить рот. Или вы все съедите, или не встанете из-за этого стола! Понятно? А потом, когда просохнут волосы, я посмотрю, что это за таинственное шевеление в ваших пустых головах!

Она наложила каждой по большой тарелке тушеных овощей и нависла над нами грозовой тучей.

— А мясо? — пискнула Маня.

— А мясом я нормальных людей кормлю,— отрезала Ба.

Мы вяло жевали ненавистные овощи. Овощи не глотались. Мы морщились и тихонечко выплевывали их обратно в тарелку. Манька демонстративно вздыхала и громко ковырялась вилкой. Ба делала вид, что ничего не слышит.

— Ба,— Маня намотала на палец прядь своих каштановых волос и подняла глаза к потолку,— а если бы мы поклялись, а потом не сдержали своего слова, что бы тогда с нами случилось?

— У вас бы вытекли кишки,— в сердцах бросила через плечо баба Роза. Она стояла к нам спиной и месила тесто, лопатки яростно ходили под ее цветастым платьем,— у вас бы вытекли кишки и всю жизнь мотались между ногами!

Мы притихли.

— Хорошо, что мы просто говнюки,— шепнула я Мане с облегчением.

— Ага,— выдохнула она,— если бы у нас между ногами всю жизнь мотались кишки, было бы хуже!

Манюня, или Все хорошо, прекрасная маркиза

— Будем брить наголо.— Баба Роза глядела как каменный истукан с острова Пасхи.

С Ба было трудно спорить. Ба была непреклонна, как гранитная скала. Когда оказалось, что мы с Маней благополучно обовшивели, она мигом забрала меня к себе, чтобы я не наградила вошками сестер.

— Не волнуйтесь,— успокоила она моих приунывших родителей,— я выведу это безобразие вмиг.

— Говорят, что можно керосином? — робко спросила мама.— Нужно нанести его на сухие волосы и продержать какое-то время.

Баба Роза сделала властный жест пальцами, словно собрала мамины губы в щепоть:

— Не волнуйся, Надя, все будет в лучшем виде!

Ночь мы провели в Манькиной комнате, спали рядышком на ее кровати.

— А давай мои вошки этой ночью придут к тебе в гости.— Манька собрала свои вьющиеся каштановые волосы в хвост и уложила его сверху на мою голову.— Это будет братание моих вошек с твоими,— радостно добавила она.

Я так и уснула под ворохом ее волос, и снилось мне, что толпа Манькиных вошек перебирается мне на голову большим семейством Ноя с картины Айвазовского «Сошествие Ноя с горы Арарат». При этом у Ноя было лицо Ба, он грозил посохом и приговаривал: «Безобразница, ты не дала нам перебраться на волосы твоих сестер!»

На следующее утро Ба накормила нас завтраком и выгнала во двор.

— Вы погуляйте немного, я сейчас вымою посуду и займусь вашими волосами,— сказала она.

Мы с Маней плелись по двору и попеременно горестно вздыхали — уж очень не хотелось в свои практически десять взрослых лет лишаться длинных волос.

— А папа тебе недавно ободок купил, с золотистой божьей коровкой,— напомнила я Мане. Манька пнула со злости камушек, который лежал в траве, он отскочил и ударился о высокий деревянный забор.

— Ну хоть какое-то количество волос она оставит на наших головах? — с надеждой в голосе спросила Маня.

— Ничего не оставлю,— раздался за нашими спинами голос Ба,— эка невидаль, походите лысыми, зато потом у вас отрастут пышные и кучерявые, как у дяди Мойши, волосы.

Мы с Манькой ужаснулись. Дядю Мойшу мы видели только на старых стертых фотографиях в альбоме Ба, это был невероятно худой остроскулый молодой человек с выдающимся носом и беспощадной пышности шевелюрой, вьющейся мелким бесом.

— Не хотим мы, как у дяди Мойши,— хором запричитали мы.

— Ладно,— легко согласилась Ба,— не хотите, как у дяди Мойши, будет шевелюра, как у Дженис Джоплин.

— А кто это такая?

— Наркоманка и дебоширка,— отрезала Ба.

Мы притихли.

Ба повела нас к длинной деревянной скамье под старым тутовым деревом. Она смахнула упавшие с дерева зрелые ягоды и сделала мне приглашающий жест рукой — садись. Я покорно села. Ба встала у меня за спиной и начала состригать под корень мои длинные волосы.

Манюня крутилась рядом и ахала с каждой падающей прядью. Она подняла одну и приложила к своей голове.

— Ба, а если бы у меня были такие светлые волосы, что бы ты тогда сказала? — спросила она.

— Я бы сказала, что ты не моя внучка,— протянула Ба в задумчивости, а потом спохватилась: — Мария, что за глупости ты несешь, какая разница, какого цвета у тебя волосы? И убери эту прядь с головы, тебе своих вошек мало? Манька приложила волосы к плечам.

— А если бы я была вот такая волосатая? Смотри, Ба, какая, и с моих плеч свисали бы длинные пряди? — Маньке категорически нужно было выговориться, потому что с каждым щелчком ножниц приближался ее черед быть обкорнанной.

— Если ты меня будешь отвлекать, то я отстригу Нарке пол-уха! — пригрозила Ба.

— Не надо,— пискнула я.

— И ты помолчи,— прикрикнула Ба,— обовшивели обе! Уму непостижимо, где вы могли нахвататься вшей?!

Мы с Манькой воровато переглянулись. Ну, положим, нашему уму оно было очень даже постижимо.

На задворках Маниного квартала в старом каменном доме жила многодетная семья старьевщика дяди Славика. Дядя Славик был худющим, жилистым и крайне неказистым мужичонкой. Весил он от силы сорок кило и внешним своим видом напоминал зеленого головастого кузнечика. Когда дядя Славик смотрел собеседнику прямо в глаза, тому становилось неуютно от его редко мигающих широко расставленных глаз. Собеседник машинально начинал таращиться в надежде поймать в фокус Дядиславикины зрачки.

Дядя Славик дважды в неделю объезжал дворы нашего городка. Скрип колес его тележки, груженной всяким хламом, загодя оповещал о его появлении, так что когда старьевщик, сопровождаемый своими тремя чумазыми детишками, въезжал во двор, хозяйки уже поджидали его внизу. Дядя Славик точил ножи и ножницы, скупал всякое старье, а если ему удавалось что-нибудь еще и продать, то счастьем его не было предела. Остальной хлам у него оптом скупал цыганский табор, который периодически раскидывал свои шатры на окраине нашего городка.

Мы с Маней, несмотря на строгий запрет родителей, часто убегали к дому старьевщика и возились с его детьми. Мы воображали себя учительницами и муштровали несчастных малышей как могли. Жена дяди Славика не вмешивалась в наши игры, наоборот, одобряла.

— Все равно на детей нет управы,— говорила она,— так хотя бы вы их угомоните.

Так как признаваться Ба в том, что мы нахватились вошек у детей старьевщика, было смерти подобно, мы молчали в тряпочку.

Когда Ба закончила со мной, Манька тоненько взвизгнула:

— Аааааа, неужели и я буду такой страшной?

— Ну почему страшной? — Ба сгребла Маньку и властно пригвоздила к деревянной скамье. — Можно подумать, вся твоя красота в волосах, — и она выстригла крупный локон с Манькиной макушки.

Я побежала в дом, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Зрелище, которое открылось глазам, ввергло меня в ужас — я была коротко и неровно подстрижена, а по бокам головы двумя задорными листьями лопуха восстали мои уши! Я горько разрыдалась — никогда, никогда в жизни у меня не было таких ушей!

— Наринээээ?! — долетел до меня голос Ба. — Хорош любоваться своей тифозной физиономией, беги сюда, полюбуйся лучше на Маню!

Я поплелась во двор. Из-за могучей спины бабы Розы показалось заплаканное личико Манюни. Я громко сглотнула — Манька выглядела бесподобно, даже хлеще, чем я: у меня хотя бы оба кончика уха торчали равноудаленно от черепа, у Маньки они были вразнобой — одно ухо аккуратно было прижато к голове, а второе воинственно топорщилось вбок!

— Ну вот, — удовлетворенно окинула нас взглядом Ба, — чисто крокодил Гена и Чебурашка!

Потом под наш дружный рев она ловко взбила в миске мыльную пену и нанесла ее нам на головы. Через десять минут под летним жарким солнцем сияло два сиротливых бильярдных шара. Ба повела нас в ванную и смыла остатки пены.

— Во,— протянула Манька, когда мы посмотрели на себя в зеркало,— хорошо, что сейчас каникулы. А представь нас в таком виде на сцене, в составе хора?

Мы покатались со смеху. Это было бы то еще зрелище!!!

— А... а... а... — не унималась Манька,— представь, что мы в таком виде исполняем на сцене какую-нибудь сонату ми-минор для скрипки и фортепиано???

Мы сползли от хохота по стеночке на пол.

— Ой... ай... — только и могли выговорить мы, потому что от каждого взгляда на наши гладко выбритые головы нас разбирал новый приступ смеха. По щекам ручьями текли слезы, и мы только и делали что стонали и хватались за животики.

— Весело вам, да? — раздался над нами голос Ба.— Пойдем, сейчас будет еще веселее!

Мы протерли глаза и снизу вверх посмотрели на нее. Ба возвышалась над нами монументом «Родина — Мать». Только в руках, вместо меча, она держала какую-то миску.

— А это что? — поинтересовались мы.

— Это маска,— важно объяснила Ба,— специальная маска, чтобы волос пошел густой и кучерявый.

— А из чего состоит эта маска? — мы, заинтригованные, поднялись с пола и попытались сунуться носом в миску, но тщетно — Ба подняла ее выше, и мы не смогли дотянуться.

— Много будете знать, быстро состаритесь! — сказала как отрезала.

The illustration shows a large tree on the left side of the page, with its branches and green leaves extending across the top. A child with blue hair, wearing an orange jacket and a red plaid skirt, is sitting on a wooden bench in the foreground. The child has a surprised or curious expression. In the background, there is a wooden fence and a bright sun in a pale sky. The ground is sandy with some small plants.

Мы молча потопали за ней во двор.

— Сейчас я нанесу смесь вам на головы, а вы потом должны где-то час просидеть под солнцем, чтобы она хорошо впиталась, понятно?

— Понятно,— хором отозвались мы. В принципе, нам уже было безразлично, что еще может сотворить с нами Ба. Забегая вперед, я таки скажу, что не зарекайся, пока не наступил климакс, как любила приговаривать Ба. Услышав в первый раз это выражение, мы дружно решили, что климакс — это плохая погода, и каждый раз, когда Ба так говорила, выглядывали в окна в надежде увидеть природный катаклизм.

Ба усадила нас на скамеечку и принялась споро наносить помазком маску на наши лысые головы.

— Не вертись! — прикрикнула она на Маньку, когда та попыталась посмотреть на меня.— Сиди смирно, а то заляпашь платье!

В томительном ожидании прошло минут пять.

— Ну вот,— удовлетворенно выговорила наконец Ба,— теперь можете расслабиться.

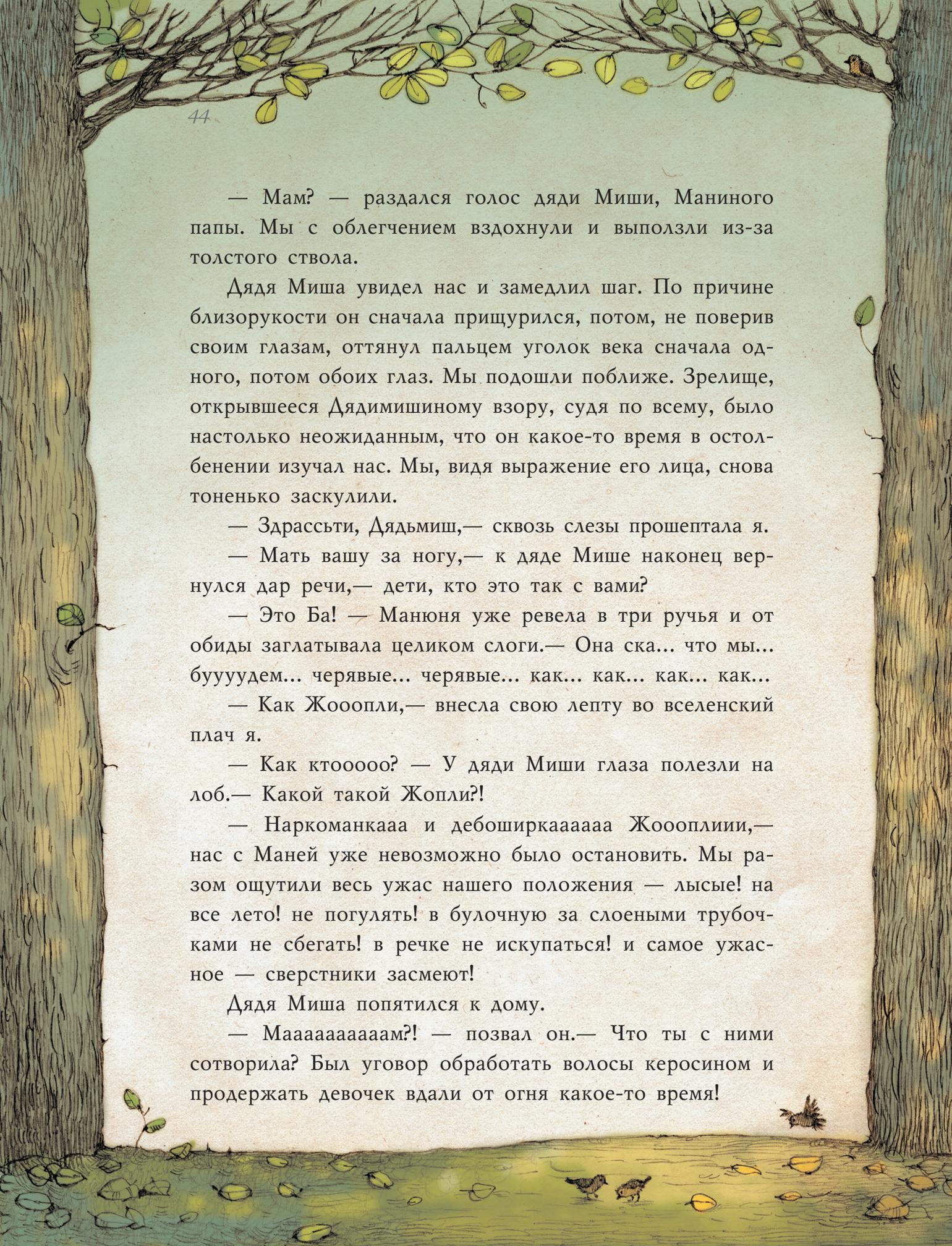
Мы глянули друг на друга и взвизгнули от неожиданности — головы наши были покрыты какой-то темно-синей густой жижей. Я попыталась дотронуться до нее, но Ба шлепнула меня по руке:

— Нельзя трогать, кому было говорено?! Ровно час! — грозно пророкотала она и ушла в дом.

Это был тот редкий случай, когда мы побоялись ослушаться Ба. И, хотя головы наши отчаянно чесалась, мы обе сидели не шелохнувшись. Минут через двадцать маска обсохла, пошла трещинами и стала осыпаться. Мы воровато подняли отвалившиеся ошметки и протерли в пальцах — густые, неоднородные, с какими-то волокнистыми вкраплениями, они моментально окрасили руки в синий цвет.

Нашу исследовательскую деятельность прервал звук открывающейся калитки. Мы юркнули за тутовое дерево.

— Мам? — раздался голос дяди Миши, Маниного папы. Мы с облегчением вздохнули и выползли из-за толстого ствола.

Дядя Миша увидел нас и замедлил шаг. По причине близорукости он сначала прищурился, потом, не поверив своим глазам, оттянул пальцем уголок века сначала одного, потом обоих глаз. Мы подошли поближе. Зрелище, открывшееся Дядимишину взору, судя по всему, было настолько неожиданным, что он какое-то время в ошолобенении изучал нас. Мы, видя выражение его лица, снова тоненько заскулили.

— Здравсэйти, Дядьмиш,— сквозь слезы прошептала я.

— Мать вашу за ногу,— к дяде Мише наконец вернулся дар речи,— дети, кто это так с вами?

— Это Ба! — Манюня уже ревела в три ручья и от обиды заглатывала целиком слоги.— Она ска... что мы... буууудем... черявые... черявые... как... как... как... как...

— Как Жооопли,— внесла свою лепту во вселенский плач я.

— Как ктооооо? — У дяди Миши глаза полезли на лоб.— Какой такой Жопли?!

— Наркоманкааа и дебоширкаааааа Жоооплиии,— нас с Маней уже невозможно было остановить. Мы разом ощутили весь ужас нашего положения — лыдые! на все лето! не погулять! в булочную за слоеными трубочками не сбегать! в речке не искупаться! и самое ужасное — сверстники засмеют!

Дядя Миша попятился к дому.

— Маааааааааам?! — позвал он.— Что ты с ними сотворила? Был уговор обработать волосы керосином и продержат девочек вдали от огня какое-то время!

Ба вышла на веранду.

— Стану я вас слушаться! — проворчала она.— Потом еще спасибо мне скажете, когда у них отрастут пышные кудрявые волосы!

— Зачем кудрявые! У Маньки они и так были кудрявые! — дядя Миша наклонился и принюхался к нашим головам.— А чем это ты их намазюкала?

— Это маска! Рецепт Фаи, которая Жмайлик! Надо в равных пропорциях смешать порошок синьки, бараньи катышки и развести это дело в яичных желтках,— стала перечислять Ба.

— Бараньи чего? — подскочили мы с Манькой.

— Катышки, катышки,— покатился со смеху дядя Миша,— сиречь кашки!

Мы с Манькой потеряли дар речи.

— Ба! Как ты могла?! — наконец взревели мы и кинулись в ванную, смывать маску с наших голов. Какашки легко и быстро смылись, но головы наши теперь отсвечивали нежным голубоватым колером.

Когда мы выползли на веранду, дядя Миша присвистнул.

— Мам, ну кто тебя просил? Ладно Маня, а что мы Наркиным родителям скажем?

— А ничего не надо говорить,— отрезала Ба,— они умные люди и, в отличие от тебя, оценят мои старания. Сходи лучше позвони Наде и скажи, что Нарку уже можно забирать.

— Ну уж нет! — дядя Миша привлек нас к себе и поцеловал по очереди в сиво-голубые макушки.— Сама эту кашу заварила, сама ее и расхлебывай!

— Можно подумать! — фыркнула Ба и пошла в дом.— Позвонить ему трудно!

Мы, затаив дыхание, стали напряженно прислушиваться к разговору Ба.

— Алё? Алё-о? Надя? Здравствуй, дорогая, как у вас дела? У нас тоже все в порядке. Можете Нарку забирать... Почему сама не может прийти? Почему не может, очень даже может. Только панама нужна... Па-на-ма... Как зачем? Чтобы голову не припекло... А что волосы? Волосы — дело наживное, вчера были волосы, а сегодня уже нет, хе-хе!.. Ну что ты сразу охаешь, побрила наголо, ага... Керосин? Буду я керосин на них изводить! Все сделала в лучшем виде, маску нанесла, по рецепту Фаи, которая Жмайлик... Я ей, главное, говорю: не надо нам никаких масок, Фая, а она — сделай да сделай, заставила прям, над душой стояла... Ну и что, что она в Новороссийске, а я здесь?.. По телефону и заставила!.. Да не волнуйся ты, маска как маска, желток да синька, ну и по мелочи... По мелочи, говорю... Ну, бараньи катышки, делов-то... Что ты охаешь, можно подумать, я крысиного яду положила... Нет, все смыли, все в порядке, только голова синюшная... Си-нюш-на-я, говорю, как у утопленника... Зачем ты сразу пугаешься, живая она, живая, это от синьки она синюшная, день-другой — и все сойдет... А волосы быстро отрастут, это ж не зубы!.. Ага... Ага... Ну, до свидания, дорогая, ждем!

— Мам! — крикнул дядя Миша, когда Ба положила трубку.— Ты уверена, что не слышала на том конце провода звука падающего тела?

— Зиселе! — голос Ба не предвещал ничего хорошего.— Ты таки напрашиваешься на свою порцию маски от тети Фаи!!!

Дядя Миша крикнул.

— Мам, ты бы лучше дала чего поесть, а то мне через полчаса возвращаться на работу.— Он весело подмигнул нам.— Ну что, жертвы компоста, пойдем поедим, надеюсь, обед уж точно обойдется без бараньих катышков?

Когда вечером приехали мои родители, на кухонном столе исходил умопомрачительным ароматом яблочный пирог. Ба полила его, еще горячий, растопленным медом, посыпала корицей и миндальной крошкой. Обжарила в большой чугунной сковороде кофейные зерна до масляного блеска, принесла из погреба свою знаменитую сливовую наливку в запотевшей бутылке темного стекла. Мы с Манькой добросовестно смололи кофе в ручной кофемолке.

Ба вышла встречать маму с папой на веранду.

— Сидите на кухне,— шикнула она, грозно выпучив на нас глаза.— Ой, Наденька, Юрочка (чмок-чмок), как доехали? Ну и что, что пять минут езды, мало ли что может с вами случиться, колесо можно проколоть, бензобак может

протечь, мазут может пролиться или какая еще беда приключиться. Вон у соседа нашего, Гора, сын чуть в машине не сгорел, говорили — замыкание (сочувственные ахи и охи). Я пирог яблочный испекла (громкое восторженное бормотание родителей), ага, ага, скоро и Миша приедет. Девочки сегодня себя чудесно вели. Вы только не пугайтесь, синюшность голов еще не прошла (тревожное покашливание), но это дело одного-двух дней, потом все придет в норму (растерянное мычание). Ну, что мы стоим на пороге, давайте пройдем на кухню!

Я не буду сейчас вам рассказывать в подробностях, какой мощи пароксизм истерического хохота согнул моих родителей при виде наших голубых черепов.

Как мама рыдала на плече у Ба, а та утешала ее и говорила, что волосы не зубы, ну, ты же понимаешь, Надя, а мама с каким-то сладострастным облегчением вытерла сопли подолом платья Ба и сказала: «Тетя Роза, я все понимаю, только детей все равно жалко!!!»

Как папа с дядей Мишей стояли на веранде, с дымящимися чашечками кофе в руках, выкуривали сигарету за сигаретой и вели бесконечный диалог на тему, что пора бросать курить, Миша, конечно, пора, а то сколько можно, Юра!

День удался, в общем, на славу. Я заснула счастливая, в своей кровати, жестоко осмеянная сестрами, но с греющей душу мыслью, что где-то там, в пяти минутах езды от нас, в двухэтажном каменном доме спит Манюня и отсвечивает в темноту такой же, как у меня, гладко выбритой, голубоватого колера, головой.

Манюня, или Что делает большая любовь с маленькими девочками

Каждое лето моя семья выезжала в горы, где на макушке поросшего лесом холма, в маленьком дачном поселке, у нас имелся свой домик. Деревянный такой, добротнo сколоченный теремок с верандой, двумя спальнями и большой кухней, совмещенной с гостиной. Выражаясь современным языком, мы являлись счастливыми обладателями загородного коттеджа, правда, с весьма скромной внутренней обстановкой. Двухъярусные детские кровати, например, нам сколотил знакомый плотник, при этом сколотил их так, что подниматься на верхний ярус можно было только по стремянке, ибо лесенка получилась настолько кривобокой, что ребенок, решившийся вскарабкаться по ней, рисковал свалиться и свернуть себе шею.

Аскетическое убранство дома с лихвой восполнял вид, открывающийся за окном. Когда ранним летним утром мы выходили на порог, природа, отодвинув занавес плотного утреннего тумана, являла нашему взору свою неповторимую, омытую прохладной росой красоту, дурманила острым ароматом высокогорных трав, шумела кронами вековых деревьев да манила в лес далеким криком одинокой кукушки.

Это было невероятное счастье — ощущать себя частичкой такой красоты.

Как-то утром мама долго не выпускала нас с Маней из дома, а все придирчиво разглядывала с ног до головы да поправляла наши платица. Мы переминались в нетерпении — за порогом нас ожидали неотложные дела. Вчера на склоне холма мы обнаружили большое семейство ядовитых грибов, именуемых в народе «волчий пук». Грибные шляпки имели сферическую форму, и если кто-то их задевал — мигом взрывались, распространяя вокруг немилосердную вонь. Мы с Маней передавили все грибы и долго плевались, приняв хиваясь к отвратительному смраду, исходившему от них. Сегодня надо было проверить, что стало с истоптанными грибами, и продолжают ли они распространять вчерашнюю убийственную вонь.

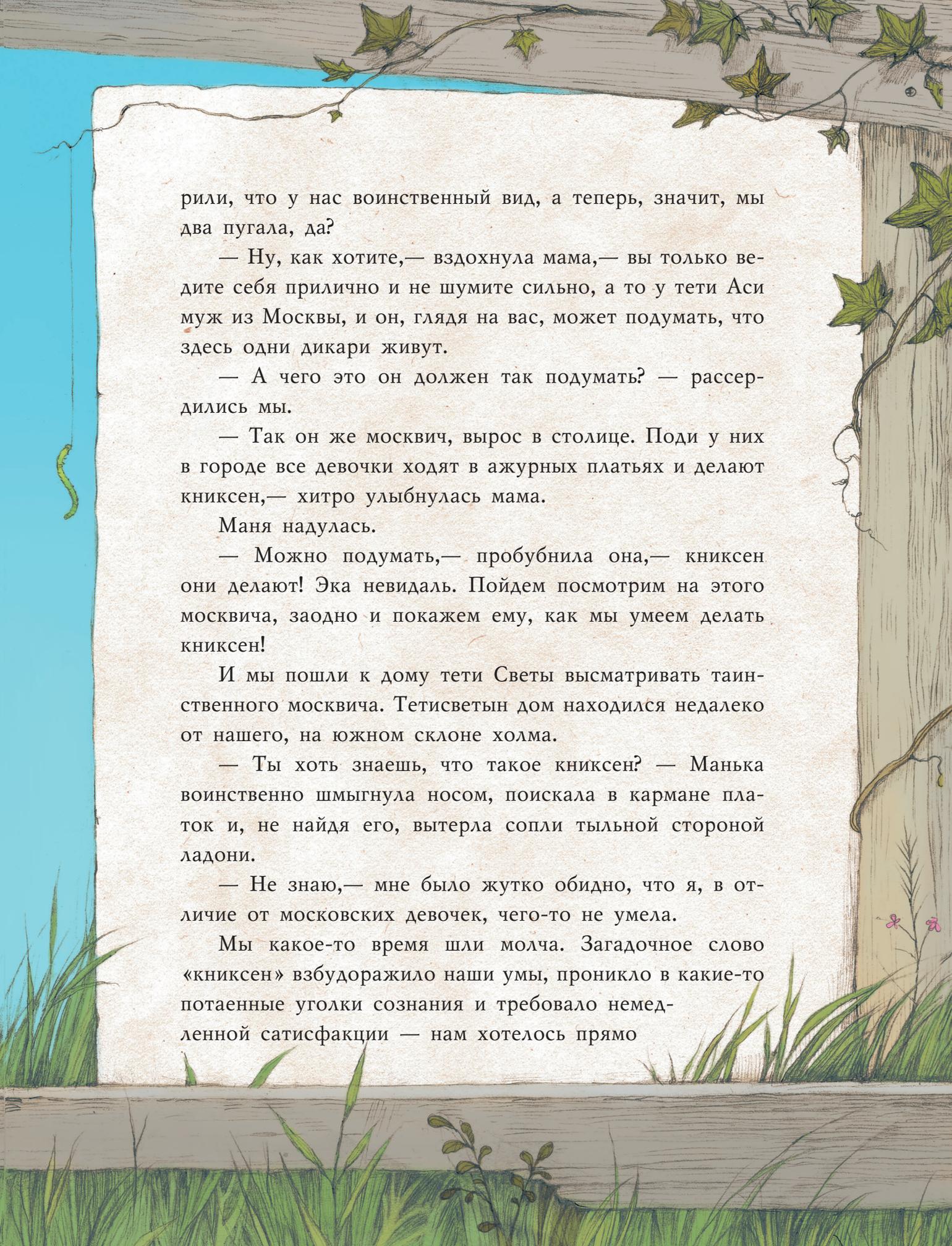
Наконец мы вырвались из маминых рук и нахлобучили на головы наши кособокие панамы. При виде панам мама наморщилась, как от зубной боли.

— Может, все-таки косыночки вам повязать? — предложила, впрочем, без особой надежды в голосе, она.

— Нет! — закричали мы с Манькой. — Какие косыночки, ты нам еще слюнявчики повяжи!

— Понимаете, девочки, — мама замялась, — к тете Свете приехала ее сестра Ася с мужем и сыном. Не хотелось бы, чтобы вы выглядели перед ними пугалами. Остальные девочки все при полном параде, с аккуратными хвостиками или косичками, а вы носитесь в этих уродливых панамах, только народ распугиваете.

— Сами же их нам сшили, — обиделись мы, — сначала гово-

рили, что у нас воинственный вид, а теперь, значит, мы два пугала, да?

— Ну, как хотите,— вздохнула мама,— вы только ведите себя прилично и не шумите сильно, а то у тети Аси муж из Москвы, и он, глядя на вас, может подумать, что здесь одни дикари живут.

— А чего это он должен так подумать? — рассердились мы.

— Так он же москвич, вырос в столице. Поди у них в городе все девочки ходят в ажурных платьях и делают книксен,— хитро улыбнулась мама.

Маня надулась.

— Можно подумать,— пробубнила она,— книксен они делают! Эка невидаль. Пойдем посмотрим на этого москвича, заодно и покажем ему, как мы умеем делать книксен!

И мы пошли к дому тети Светы высматривать таинственного москвича. Тетисветын дом находился недалеко от нашего, на южном склоне холма.

— Ты хоть знаешь, что такое книксен? — Манька воинственно шмыгнула носом, поискала в кармане платок и, не найдя его, вытерла сопли тыльной стороной ладони.

— Не знаю,— мне было жутко обидно, что я, в отличие от московских девочек, чего-то не умела.

Мы какое-то время шли молча. Загадочное слово «книксен» взбудоражило наши умы, проникло в какие-то потаенные уголки сознания и требовало немедленной сатисфакции — нам хотелось прямо

здесь и сейчас совершить какую-нибудь гадость. Я обернулась, посмотрела кругом — ни души.

— Москвички — в ухе спичкиииииииии! — проорала мстительно.

— А-ха-ха,— демонически рассмеялась Маня,— а-ха-ха!!!

— Не надо было грибы-вонючки давить. Можно было закидать ими двор тети Светы,— мы гаденько захихикали,— и, пока московский крендель ушами бы хлопал — наш след давно бы уже простыл.

Мы обошли холм южной стороной и приблизились к Тетисветыному дому.

— А вообще как он выглядит, этот москвич? — задумчиво протянула Маня.

— Красивый, наверное. Обязательно в футболке с олимпийской мишкой на груди,— стала разбалтывать я свои со-

кровенные фантазии,— играет на гитаре и ест мороженое эскимо столько, сколько ему влезет, как старик Хоттабыч!

— Ну,— Маньке в целом понравился образ, который я нарисовала,— пожалуй, я была бы не против, если бы он еще трамваи водил.

— Трамваииии,— закатила я глаза,— дааааа, это было бы вообще здорово!!!

Манька посуровела.

— Но в целом он гадкий и сморкается в скатерть, а еще у него из носа торчат пучки волос,— заявила она.

— И уши у него волосатые! — вставила свои пять копеек я.

Наконец мы дошли до дома тети Светы, толкнули калитку и вошли во двор. Сделали несколько шагов по вымощенной речной галькой тропинке и встали как вкопанные.

На веранде Тетисветыного дома, аккуратно за глухими перилами, на фоне деревянной стены торчали две длинные бледные ноги. Они бесконечно тянулись вверх и весьма предсказуемо венчались большими плоскими ступнями. Ноги были в меру волосатые и воинственно топорщились острыми коленями.

— Это что такое? — вылупилась Манюня.— Это как называется, он вошел в дом, а ноги отстегнул и оставил на пороге вверх ступнями проветриваться?

— Да ну тебя,— захихикала я,— просто туловище за ограждением, вот мы его и не видим, он на голове стоит!

— А что чего он на голове стоит, у них в Москве так принято гостей встречать? — съехидничала Манюня.— Пойдем поздороваемся с этим ненормальным, что ли.

В тот же миг ноги исчезли за перилами. Мы замерли.

— Сейчас покажется,— шепнула Манька. Но из-за ограждения никто не появлялся. Мы прислушались — ни звука.— Умер,— шепнула Маня,— а может, просто уснул. Пойдем, чего мы тут стоим, надо же ему книксен сломать!

Мы осторожно прошли вдоль веранды, поднялись по ступенькам и заглянули туда, где с минутой назад торчали ноги.

— Бу! — неожиданно выскочил нам навстречу высокий молодой человек.

Мы взвизгнули и пустились наутек. Но молодому человеку в комплекте с длинными ногами выдали не менее длинные руки, поэтому он быстренько схватил нас за плечи.

— Ну я же пошутил, девочки, что вы так испугались,— улыбнулся он.— Давайте знакомиться, меня зовут Олег, а вас как величают?

Мы зачарованно смотрели на него снизу вверх и молчали словно воды в рот набрали. Олег выглядел как главный

герой из фильма «Пираты XX века» — такие же голубые глаза, широкий лоб и ямочка на подбородке. А еще у него на шее болтался ажурный крестик.

— Ааааа, я понял, вы, наверное, немые, да, девочки? — хитро прищурился Олег.

— Да,— подала голос Маня,— мы немые, а зато у вас ноги бледные и волосатые!

— А у вас изумительные головные уборы, они вам очень к лицу,— загоготал столичный гость.

— Это не головные уборы,— рассердилась Маня,— это чтобы нам лысины прикрывать.— И, к моему ужасу, сдернула с головы панаму.

— О! — Наш новый знакомый растерялся, но быстро нашелся: — Ну и что, вы и без волос писанные красавицы.

Маня засопела, скрутила жгутом панаму, потом сунула ее мне:

— Забери себе,— прошипела уголком рта.

Я молча взяла панаму и разгладила ее в руках.

— А еще нам сделали маску из бараньих кашек и синьки, и какое-то время мы ходили с голубыми головами.— В Маньку словно бес вселился.

У гостя из столицы вытянулось лицо. Нужно было срочно спасать положение, пока он окончательно не решил, что столкнулся с дикарями.

— Всего два дня! — кинулась я восстанавливать нашу пошатнувшуюся репутацию.— Всего два дня мы ходили с синими головами, а потом маме с Ба пришлось шить панамы, потому что кругом дефицит и достать в магазине ничего нельзя! Поэтому мы сейчас выглядим как два пугала.

Манька пребольно пихнула меня локтем в бок.

— Дура! — прошипела она.

— Сама такая! — пихнула я ее в ответ.

Олег зашелся в хохоте. Мы с каменными лицами переждали беспардонное зубоскальство московского гостя. Он отдышался, протер ладонями брызнувшие из глаз слезы — на безымянном пальце его правой руки блеснуло желтой полоской обручальное кольцо.

— Девочки, а вы мне определенно нравитесь,— выговорил он наконец,— и акцент у вас такой забавный!

— А у вас акцент препротивный,— пошла в наступление Маня.— И кольцо вы носите не на той руке!

— Как это не на той? — Олег растопырил пальцы, а потом помахал ими у нас перед носом.— Наоборот, на той, православные носят обручальные кольца на правой руке.

— А мы, получается, левославные,— решила блеснуть эрудицией я.

— В смысле — левославные? — удивился Олег.

— Ну, в смысле, что носим обручальные кольца на левой руке,— отрапортовала я.

Мне этот Олег сразу понравился и я, что греха таить, старалась тоже ему понравиться. В моей душе зашевелился укол ненависти к этой противной Асе, которой достался такой замечательный молодой человек.

— А это правда, что вы из Москвы? — поинтересовалась я.

— Правда, я родился и вырос в Москве. Потом женился на тете Асе. А потом у нас родился сын Артем. Ему пять, и он очень хороший мальчик, я надеюсь, что вы с ним подружитесь.

— Очень надо,— огрызнулась Маня.

Я помертвела. Мне было очень стыдно за свою подружку. Манька из улыбчивой и вежливой девочки превратилась в маленького злого бесенка, смотрела исподлобья, стояла руки в боки и воинственно топорщилась круглым пузом.

Но отчитывать подружку при чужом человеке было бы последним делом, поэтому я как ни в чем не бывало продолжила светский разговор:

— А где ваша жена?

— Они со Светой и детьми пошли прогуляться по поселку, а я решил пока заняться йогой,— пояснил Олег.— Скоро вернутся, вы сможете познакомиться с нею.

— Ладно, я пошла, некогда мне тут с вами разговаривать,— процедила сквозь зубы Манька.

Она сделала лицо кирпичом, спустилась по ступенькам во двор, вырвала голыми руками торчащий из-под лестницы стебель матерой крапивы и, размахивая им по сторонам, пошла к калитке. Я покорно поплелась за ней, предварительно сдернув со своей головы панаму — позориться, так вместе. Вырвать стебель крапивы смалодушничала.

— Девочки, вы так и не сказали, как вас зовут! — крикнул нам вдогонку Олег.— И скажите на милость, зачем вам крапива?

— Зита и Гита,— не оборачиваясь, зло ответила Маня,— нас зовут Зита и Гита, а крапива нам нужна для занятий йогой.— Она пропустила меня вперед и демонстративно громко стукнула калиткой.

Мы прошли вдоль забора Тетисветыного дома и свернули за угол. И только здесь Маня выкинула крапиву в кусты.

— Кусачая, зараза,— процедила она сквозь зубы.

— Чешется? Может, смочить ладонь водой? — спросила я.

— До дома дотерплю,— Маня впервые глянула на меня и тут же отвела глаза. Выражение ее лица было такое, что у меня сразу пропала всякая охота задавать ей лишние вопросы.

— А давай наперегонки! — предложила я.

— Побежалиииииии! — заорала Манька.

Когда мы ворвались в дом, мама пыталась накормить мою младшую сестру Сонечку картофельным пюре. Маленькая Сонечка чуть ли не с рождения демонстрировала поразительную разборчивость в еде. Все, кроме докторской колбасы и перьев зеленого лука, она категорически исключила из своего рациона. Вот и сейчас она с облегчением выплюнула пюре себе на слюнявчик и потянулась ручками к нам.

— Зями меня на юкки,— пролепетала жалобно.

Манька состроила ей козу, погладила по головке. Хмыкнула. Из ее ноздри выдулся большой пузырь. Маня с шумом втянула его обратно.

— Тетьнадь, я, кажется, влюбилась,— ошарашила она маму.

— Так,— мама вытащила из кармана платок и заставила Маньку высморкаться,— и в кого это ты влюбилась?

— В мужа тети Аси.— Маня посмотрела на маму долгим немигающим взглядом, потом тяжело вздохнула: — Вот! Вы только не говорите ничего Ба, а то она сделает все возможное, чтобы помешать мне выйти за него замуж!

Мама выронила платок. Оставшаяся без внимания Сонечка дотянулась до тарелочки с пюре и с наслаждением погрузила туда свои пухленькие ручки.

Это была «взрослая» и, увы, самая беспощадная в своей безответности любовь моей Мани. Все оставшиеся дни пребывания Тетисветыных гостей она посвятила целенаправленному сживанию объекта своего почитания со света.

Методы ухаживаний у Мани были самые разнообразные. То, движимая желанием покорить Олега щедростью, она собрала по всей округе разную интересную сувенирную мелочь, как то: горсть мухоморов, с десятков червивых желудей, пластмассовое ведро (без дна, но зато с ручкой), дырявый резиновый мяч, полукруг чаги и насквозь просохшую коровью лепешку. Подарки она красиво сложила возле калитки дома тети Светы. Радости тети Светы и ее гостей, наверное, не было предела!

То, решив пленить рыцаря своего сердца хозяйственными талантами, Манька соорудила из увесистого камня и большого листа лопуха муляж голубца. Она собиралась дожидаться, пока Олег выйдет из дома и запулить в него

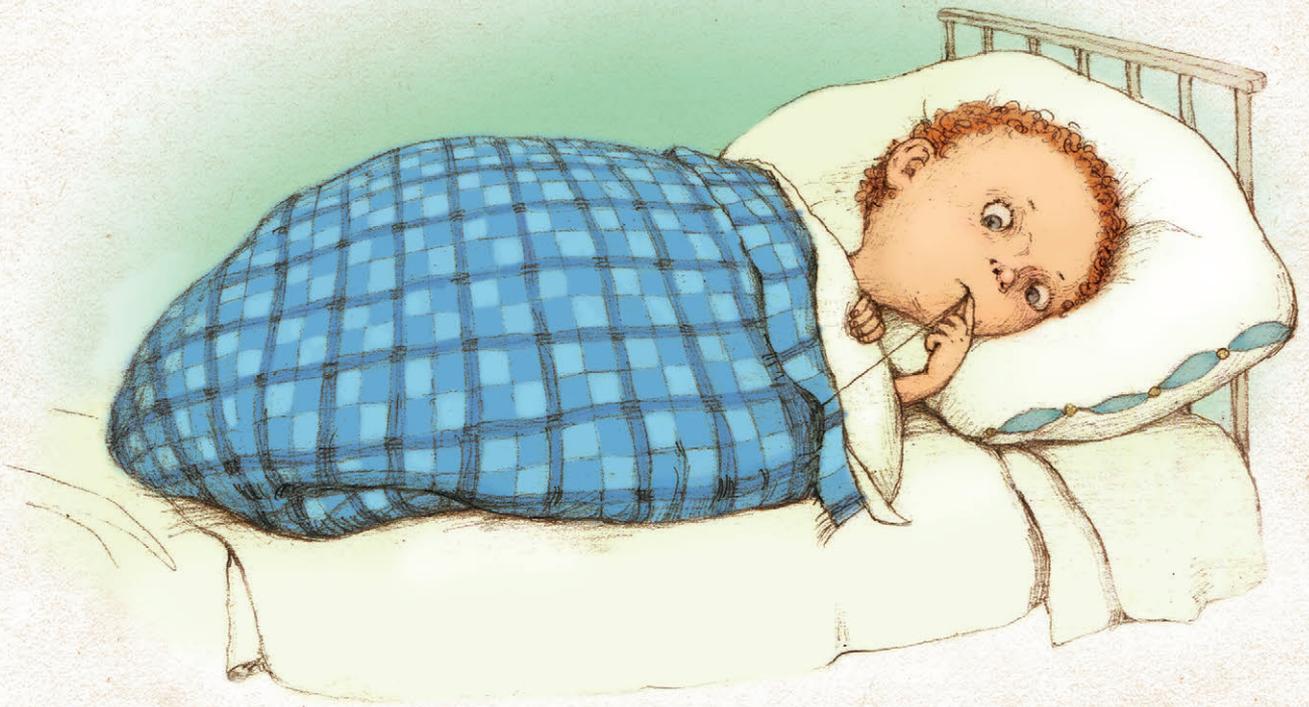

этим кулинарным шедевром. К счастью, до смертоубийства Олега дело не дошло. Муляж голубца передал ему мальчик Артем, который как раз в это время играл во дворе дома тети Светы. Мы, к сожалению, не застали выражения лица Олега при виде такого подарка, но думаю, оно было более чем довольным.

Потом Манька, не дождавшись от Олега ответных чувств, решила преподнести ему самое ценное, что у нее было, — кулон, который ей подарила Ба. К сожалению, во время торжественной церемонии вручения подарка, рядом оказалась эта выдра Ася. Она начала скандалить, а потом увела Олега со двора. Пришлось нам с моей подругой несолоно хлебавши возвращаться домой.

На третий день, под покровом ночи, изнуренные Манькиными ухаживаниями, московские гости отбыли восвояси. Вполне возможно, что Олег уезжал на всякий случай переодетый, как Керенский, в костюм сестры милосердия. Это так папа предположил, комментируя поспешный их отъезд.

— Во всяком случае,— продолжил он в задумчивости,— кто-нибудь из них должен был сдаться — или Маня, или Олег. Просто у Олега оказался хороший инстинкт самосохранения,— рассмеялся папа и натянул Мане на глаза панаму.— Ну что, маленький агрессор, неси карты, сейчас будем резаться в подкидного дурака!

Манюня разочаровывается в любви

Вы только не подумайте, будто Олег был единственной Маниной детской любовью!

Потому что за долгие одиннадцать лет своей жизни Манюня влюблялась пять раз.

Первой Маниной любовью стал мальчик, который перевелся в их группу из другого садика. Мальчика звали Гариком, у него были круглые желтые глаза и рыжие кудри. Ритуальный полуденный сон Гарик упорно игнорировал. Он тихонечко лежал в своей кроватке, выдергивал из пододеяльника нитки и долго, вдумчиво их жевал.

«Какой глупенький»,— решила Манька и тотчас в него влюбилась. В знак своей любви она выдернула нитку из пододеяльника, скатала ее в комочек и принялась жевать. Нитка на вкус оказалась совсем пресной. «Фу»,— поморщилась Манька.

— Она же совсем невкусная! — шепнула она Гарику.

— А мне вкусно,— ответил Гарик и выдернул новую нитку.

— Я его отучу от этой плохой привычки,— решила Манька.

К сожалению, Гарик через неделю вернулся в свой прежний садик, потому что новый ему категорически не понравился.

вился. А может, в старом нитки были вкуснее. Маня погоревала-погоревала, но потом ей это надоело, и она решила найти себе другой предмет для вздыханий. Она перебрала в уме все возможные кандидатуры и остановила свой выбор на воспитательнице Эльвире Сергеевне. Почему-то.

У Эльвиры Сергеевны была длинная пушистая коса и родинка на изгибе локтя.

— Хочу себе такую же,— потребовала Манька.

— Через десять лет у тебя на руке появится точно такая родинка,— пообещала Эльвира Сергеевна. «Теперь я буду любить ее вечно»,— решила Манюня и принялась выказывать Эльвире Сергеевне знаки внимания, как то: ходила за ней хвостиком и периодически, как заправский рыцарь, преподносила своей даме сердца золотые украшения, которые тайком таскала из шкатулки Ба. Эльвира Сергеевна честно возвращала все украшения и просила не наказывать Маньку.

В первый раз Ба великодушно простила внучку. Во второй раз она пригрозила оставить ее навсегда и на веки вечные без конфет. В третий раз терпение Ба лопнуло, и она таки наказала Маню — оглушила подзатыльником и поставила в угол. Пока Манюня, уткнувшись лицом в стену, восстанавливала рефлексы, Ба немилосердно шинковала капусту и рассказывала истории про детей, которые родились честными, но потом стали воришками.

— И за это государство посадило детей в темную и холодную тюрьму,— заключила она.

— Их хотя бы кормили там? — обернулась к ней Манюня.

— Манной кашей с утра и до вечера каждый день! — рявкнула Ба.

— Буэ,— поежилась моя подруга.

Потом Манька пошла в первый класс и влюбилась в мальчика из параллельного «Г». Звали мальчика Араратом, и отчаянно грассирующая Манька из кожи вон лезла, чтобы правильно произнести его имя. Впрочем, тщетно. Два «р» подряд были непосильной для Манюни задачей — она начинала булькать и тормозить уже на первом слоге. Правда, сдаваться не собиралась.

— Агхагхат,— приперла как-то к стенке своего возлюбленного Манюня,— а как тебя по отчеству зовут?

— Размикович,— побледнел Арарат.

— Издеваешься надо мной, что ли? — рассердилась Манька и ударила его по голове портфелем.

Так как за последние два дня это был третий удар портфелем по Араратовой голове, то учительнице ничего не оставалось, как вызвать в школу Ба.

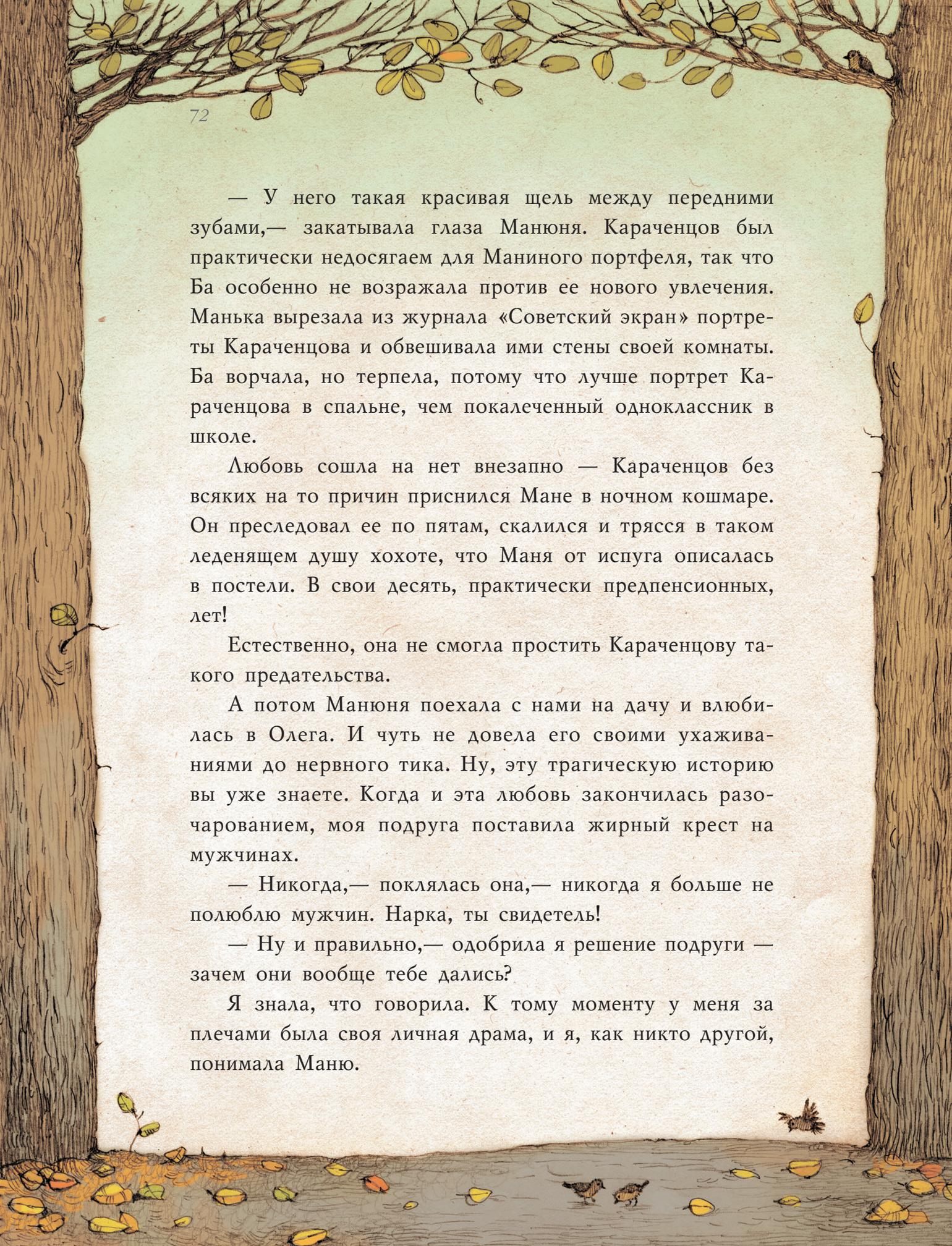

Ба молча выслушала все претензии, вернулась домой, выкрутила Маньке ухо до победного хруста и повела к Арарату — извиняться. Не выпуская Манькиного уха из руки. Такого унижения Манюня Арарату не простила и мигом его разлюбила.

«Никогда больше не стану влюбляться в мальчиков!» — твердо решила она. Мужская половина начальных классов Бердской средней школы № 3 вздохнула с облегчением.

Когда Маня училась в третьем классе, по телевизору показали фильм «Приключения Электроника». И моя подруга не придумала ничего лучше, чем влюбиться в Николая Караченцова, который играл гангстера Урри.

— У него такая красивая щель между передними зубами,— закатывала глаза Манюня. Караченцов был практически недостижим для Маниного портфеля, так что Ба особенно не возражала против ее нового увлечения. Манька вырезала из журнала «Советский экран» портреты Караченцова и обвешивала ими стены своей комнаты. Ба ворчала, но терпела, потому что лучше портрет Караченцова в спальне, чем покалеченный одноклассник в школе.

Любовь сошла на нет внезапно — Караченцов без всяких на то причин приснился Мане в ночном кошмаре. Он преследовал ее по пятам, скалился и трясся в таком ледящем душу хохоте, что Маня от испуга описалась в постели. В свои десять, практически предпенсионных, лет!

Естественно, она не смогла простить Караченцову такого предательства.

А потом Манюня поехала с нами на дачу и влюбилась в Олега. И чуть не довела его своими ухаживаниями до нервного тика. Ну, эту трагическую историю вы уже знаете. Когда и эта любовь закончилась разочарованием, моя подруга поставила жирный крест на мужчинах.

— Никогда,— поклялась она,— никогда я больше не полюблю мужчин. Нарка, ты свидетель!

— Ну и правильно,— одобрила я решение подруги — зачем они вообще тебе дались?

Я знала, что говорила. К тому моменту у меня за плечами была своя личная драма, и я, как никто другой, понимала Маню.

Моей первой и пока единственной любовью стал старший брат моей одноклассницы Дианы. Брата звали Алик, и он отлично играл в футбол.

— Он в кого-то влюблен? — как бы между прочим поинтересовалась я у Дианы.

— Да вроде нет.

«Будет моим»,— решила я. И стала терпеливо ждать, когда Алик в меня влюбится. Ждала аж целых три дня, но ситуация не менялась — Алик с утра до ночи гонял в мяч и не обращал на меня никакого внимания. Тогда я решила взять инициативу в свои руки и сочинила поэму о своей любви к нему. Потом выдрала из маминого блокнота голубенький листок и старательно переписала туда свое творение.

ПАЭМА

Алик, ты можит спросишь
Кто автар этих строк!!!
Но это ананим, и ты о ней не узнаешь
Ни-каг-да!
И ни-че-во!
Кроме тово, что я тебя люблю
И жыть биз тебя нима гу.

*Наринэ Абгарян, 2 «А» класс
Бердской ср. шк. № 3*

Запечатала поэму в конверт и вручила его Диане с просьбой передать Алику. Ответ не заставил себя долго ждать. На следующий день, пряча от меня глаза, Дианка со словами: «Нашла в кого влюбляться!» — вернула мне конверт. Я вытащила помятый голубенький листок. Это оказалась моя записка. На обратной стороне Алик написал очень лаконичную ответную поэму.

ДУРА.

Я повертела в руках записку и убрала ее в кармашек школьного фартука. Кое-как досидела до конца уроков, вернулась домой и, не переодеваясь, прямо в школьной форме, со значком октябренка на груди, легла умирать.

Умирала я долго, целых двадцать минут, и практически уже была одной ногой на том свете, когда с работы вернулась мама. Она заглянула в спальню и увидела мой холодный полутруп.

— А что это ты в одежде легла в постель? — спросила она и пощупала мой лоб.

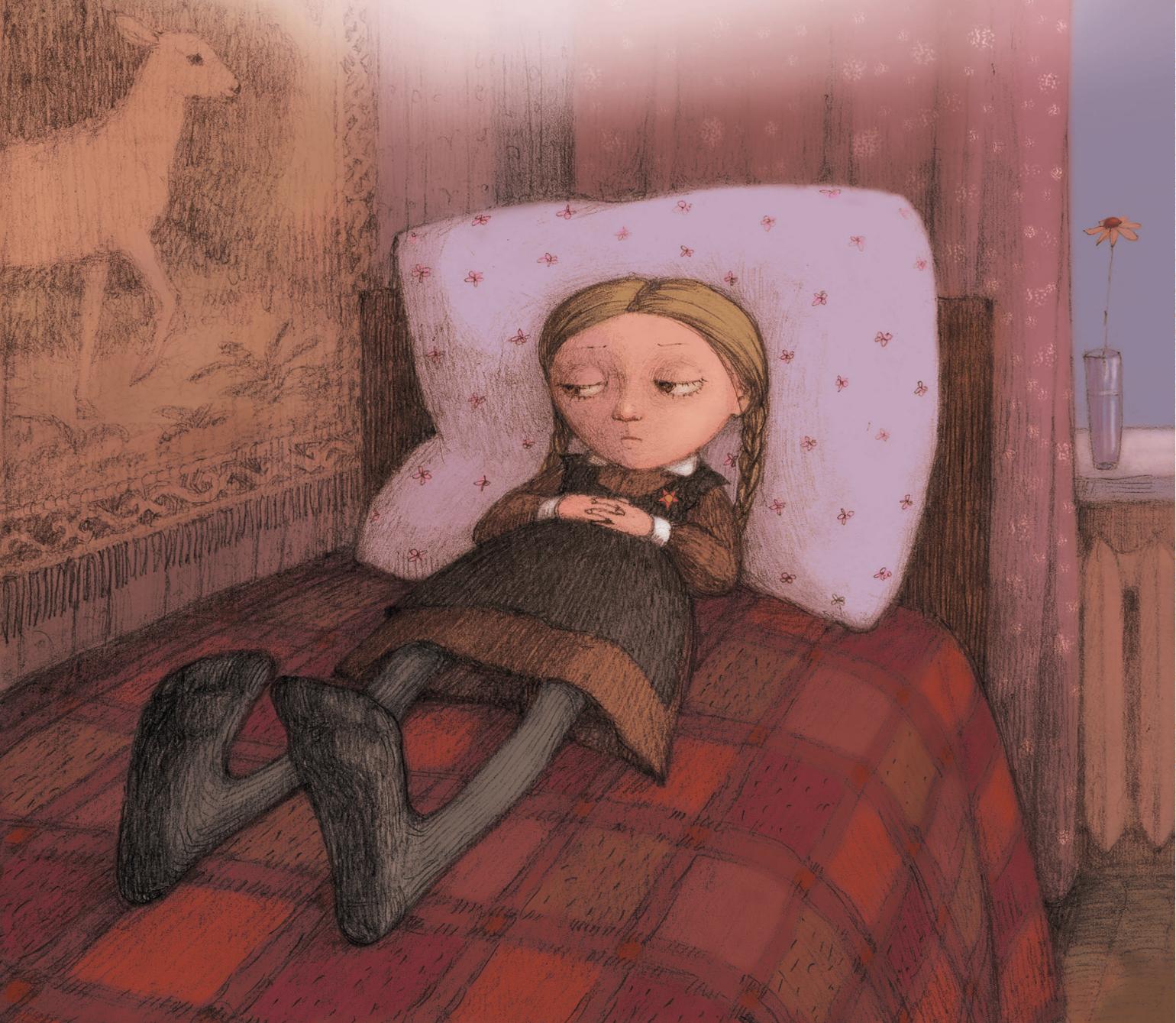
— Умирать легла,— буркнула я и, вытащив из кармана записку, отдала ей.

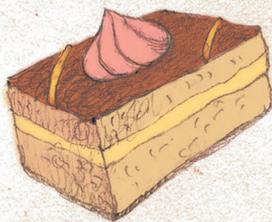
Мама прочла поэму. Закрыла лицо ладонями. И затряслась всем телом.

«Плачет»,— удовлетворенно подумала я.

Потом мама отняла от лица ладони, и я увидела, что глаза у нее хоть и мокрые, но веселые.

— Мам, ты чего, смеялась? — обиделась я.

— Ну что ты,— ответила мама,— давай я тебе кое-что расскажу, ладно?

Она села на краешек кровати, взяла меня за руку и стала терпеливо объяснять, что мне пока рано влюбляться, что всё у меня впереди, и таких Аликов у меня в жизни будет еще много.

— Сколько много? — живо поинтересовалась я.

— Ого-го сколько,— ответила мама и поцеловала меня в лоб,— вставай.

— Нет! — я твердо решила умереть.

— Ладно, как хочешь,— дернула мама плечом,— только я купила бисквит, твой любимый, с арахисом, и козинаки взяла.

— Сколько взяла? — приоткрыла я один глаз.

— Чего?

— Того и другого.

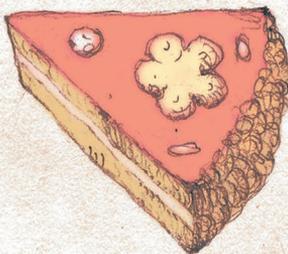
— Три килограмма бисквита и два килограмма козинаков.

— Ладно,— вздохнула я,— пойду поем, а потом вернусь обратно умирать.

Умереть мне в тот день так и не удалось, потому что сначала я ела бисквит, потом мы с Каринкой смотрели «Ну, погоди!», потом подрались, и мама выставила нас на балкон, чтобы мы подумали над своим поведением.

Потом мы подрались на балконе, и мама затащила нас в квартиру и развела по разным комнатам, чтобы мы еще раз подумали над своим поведением.

Мы сразу же соскучились друг по другу и до передачи «Спокойной ночи, малыши» перестукивались через стенку и орали друг другу песни в розетку. А после передачи легли

спать, и тут мне уже точно было не до умирания, потому что надо было успеть заснуть до того, как сестра начнет храпеть.

На том и закончилась моя первая любовь.

Потом я познакомилась с Манькой и мне стало как-то недосуг влюбляться. Сразу появилось много интересных дел. Мы с утра до ночи бегали по дворам, наедались до отвала алычи, купались в речке, воровали незрелый виноград, штурмом брали кинозалы для просмотра очередного шедевра индийского синематографа и доводили до белого каления Ба. О мальчиках не могло быть и речи, мальчики отошли на второй план и ничего, кроме жалостливого недоумения, у нас не вызывали.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А13

Серия «Манюня и другие»
Иллюстрации *Елены Жуковской*
Дизайн обложки *Юлии Межовой*
Макет подготовлен редакцией

 АСТРЕЛЬ СПб

А13

Абгарян, Наринэ

Манюня / Наринэ Абгарян.— Москва: АСТ, 2015.— 80 с.: ил. (Манюня и другие).

ISBN 978-5-17-087068-4

«Манюня» — книга о детстве. Смешном, прекрасном и полном всякоразных приключений.

Если вы любите смеяться, эта книга для вас.

И, конечно же, для ваших родителей, которые выросли, но в душе всё равно остались детьми.

Подписано в печать 24.02.15. Формат 84 x108¹/₁₆.

Усл. печ. л. 8,4.

Тираж 7000. Заказ

© Наринэ Абгарян, текст, 2015
© Елена Жуковская, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста*

6+

Наринэ Абгарян

МАНЮНЯ

Ведущий редактор *И. Етифанова*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Верстка *Т. Алиевой*
Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

«Манюня» — книга о детстве.
Смешном, прекрасном
и полном всякоразных приключений.
Если вы любите смеяться,
эта книга для вас.
И, конечно же, для ваших родителей,
которые выросли,
но в душе всё равно
остались детьми.

АСТРЕВА СПб
www.astrel-spb.ru

WWW.AST.RU

ISBN 978-5-17-087068-4

9 785170 870684